

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МОКИЕНКО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ
mokienko40@mail.ru

ДИАЛЕКТНАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ. ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

Ключевые слова: диалект, диалектная фразеология, фразеологическая единица, паремия, пословица, поговорка, фразеография

Keywords: dialect, dialect phraseology, phraseological unit, paremia, proverb, saying, phraseography

Конференция по славянской диалектной фразеологии проводится нашим гостеприимным хозяином проф. Мацеєм Раком в Кракове не случайно. Известно, что Ягеллонский университет и Краковский филиал Польской Академии наук давно уже стали центрами исследования польских диалектов как в синхронном, так и в диахроническом аспектах. Не случайно, что именно в Кракове вышел фундаментальный словарь польских диалектов в 6 томах Яна Карловича – *Słownik gwar polskich* (SKaP), и именно здесь издавались 5 томов другого фундаментального словаря – *Słownika etymologicznego języka polskiego* Францишка Славского (SESł). В Кракове изданы и многие словари польского языка, в словники которых вошли диалектные слова и выражения.

Не случайно и то, что именно в Ягеллонском университете год назад получил звание профессора пан М. Рак. Мне помнится, как 15 лет тому назад на конференции в Ополе ко мне подошёл молодой студент с вдохновенными глазами и сказал: *Позволит ли мне пан профессор подарить ему свой словарь – фразеологический словарь моей родной деревни?* Я не только позволил ему подарить мне свой словарь, но и всю ночь изучал яркую народную фразеологию gwary Dębna, с любовью описанную в этом словаре. Это был *Słownik frazeologiczny gwary Dębna w Górach Świętokrzyskich* (SFGD). И не успел я насладиться чтением первого его труда, как в 2007 г. вышла ещё одна книга этого же автора – *Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej*

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00091, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

frazeologii gwar Gór Świętokrzyskich i Podtatrza (na tle porównawczym) (Rak 2007). Видя, с каким тщанием и лингвистическим вдохновением написаны эти книги, я подумал: „Этот студент наверняка скоро станет профессором”.

Автором словаря, как вы уже догадались, и был студент М. Рак. И, как видите, моя научная гипотеза подтвердилась и наш хозяин – уже профессор. Причем – профессор именно Ягеллонского университета, города, где и вышли его первые книги. И вот мы здесь вкушаем одну из важнейших для славянской фразеологии проблематику, передавая друг другу опыт исследования фразеологии в разных странах.

Почему же именно диалектная фразеология столь значима для фразеологических и фразеографических изысканий в масштабах Славии?

Попробую вкратце ответить на этот вопрос, заданный нам организаторами Конференции.

Во-первых, диалектный материал в нашем XXI в. требует исключительно бережного сохранения. Экология народной речи столь же необходима в эпоху глобализации и цифровых технологий, как и экология наших природных ресурсов. Если мы, диалектологи, не успеем в последний момент зафиксировать сохранившиеся пока в некоторых регионах жемчужины народного творчества, то искусственный интеллект будущего века (а, быть может, и настоящего) предаст их забвению. И неизвестно, когда ещё наши потомки откопают этот зарытый в компьютерные толщи естественный речевой талант – талант народной речи. Следовательно, на нас, диалектологов, падает задача создания заповедника народной речи, её экологической кладовой.

Во-вторых, без диалектного материала многие лингвистические теории – даже ультрасовременные – повисают в воздухе подобно испанским воздушным замкам, ибо не имеют надёжного фундамента. Не секрет, что некоторые глубокомысленные рассуждения о национальном менталитете, тайнах русской или польской души, специфике народного характера строятся на песчаном основании кодифицированных литературных языков, испытавших воздействие европейской глобализации и межъязыковых влияний, либо – что ещё ненадёжнее – на материале устаревших собраний славянского фольклора полуторавековой давности – Владимира Ивановича Даля, Франтишека Ладислава Челаковского, Самуэля Адальберга, Михаила Номиса и под. За это время, однако, довольно сильно изменилась не только народная речь, но и народный (resp. национальный) менталитет и национальные стереотипы. За примерами далеко ходить не надо. Всего 20 с небольшим лет назад мы, русские, гордились тем, что являемся самой читающей нацией на планете. Сейчас же, достаточно проехать в московском метро, чтобы читающие пассажиры были столь же редки, как белые вороны... Зато 90% их говорят по мобильникам или шлют своим друзьям СМСки... А ведь без учёта таких изменений невозможен объективный диагноз современного национального характера и менталитета в духе Александра Гумбольдта, Александра Афанась-

евича Поттебни или Анны Вежицкой. Именно поэтому в фундаментальных реконструкциях этнолингвистической картины мира Ежи Бартминьского и Никиты Ильича Толстого и Светланы Михайловны Толстой столь большое внимание уделяется современным диалектным записям.

В-третьих, славянская диалектная фразеология является чрезвычайно эффективным ключом, открывающим окно в до сих пор если не „тёмную”, то сильно „затемнённую” её область. Я имею в виду **историческую фразеологию**. Ведь увлечшись многоаспектными синхронными исследованиями фразеологии, предложив её успешные функционально-семантические, лингвокультурологические и корпусные интерпретации, мы, фразеологи, оторвались от основы классического языкознания. А эта основа, созданная языковедами XIX – начала XX вв. для фонологии, словообразования и лексики – **сравнительно-историческая методология** языкового анализа.

Пролистаем самые лучшие славянские этимологические словари, над которыми трудились полтора века классики сравнительно-исторического языкознания – в том числе и профессор ягелонского университета Франтишек Славский, всю жизнь посвятивший составлению двух монументальных (но, к сожалению, не завершённых) словарей – *Słownik etymologiczny języka polskiego* (SESł) и *Słownik prasłowiański* (SławSP). Много ли мы найдём в них историко-этимологических реконструкций славянской фразеологии? – Увы, практически ничего не найдём. Великаны славянской этимологической лексикографии оставили эту работу нам, фразеологам. Но мы, увы, не спешим закатывать рукава. Кое-что здесь, правда, сделано для русской (БМС), белорусской (Лепешаў 2004), украинской (Івченко 1998), чешской (Stěpanova 1998), болгарской (Lichtenberg 2001) и хорватской (Fink-Arsovski, Kovačević, Hrnjak 2010) фразеологии.

Конечно, я имею в виду „кое-что” собственно лингвистическое, где фразеологи, подобно этимологическим исследователям лексики, реконструируют фразеологические „этимоны” собственно лингвистическими методами. Ибо мы, фразеологи, до сих пор оставляем эту область фразеологии на откуп фольклористам, этнографам и популяризаторам так называемой „культуры речи”, от двух первых прямо зависимых. Их ведь уже давно интересует реконструкция образного источника пословиц и поговорок, т.е. фразеологизмов в широком значении термина. И разумеется, их опыт и ценные материалы в этом отношении фразеологам очень полезны. Достаточно назвать неоднократно переиздаваемую книгу акад. Юлиана Кржижановского *Mądrej głowie dość dwie słowie* (MG) и монументальный четырёхтомный словарь *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich* (NKPP) под его редакцией, где высказано немало блестящих и остроумных историко-этимологических расшифровок польской фразеологии и паремиологии.

К сожалению, однако, лингвистический анализ нередко их опровергает, ибо многие догадки фольклористов и этнографов, а тем более – попу-

ляризаторов, исходят из предпочтения какого-либо экстралингвистического (исторического, мифологического, этнографического и под.) факта остальным – без собственно языкового сравнительно-исторического анализа в духе чёткой младограмматической логики при этимологических реконструкциях славянской лексики. Т.е. анализа, построенного на принципе структурно-семантического моделировании (Мокиенко 1989).

Такой анализ и требует вовлечения в этимологическую реконструкцию максимально полного фразеологического материала диалектной Славии. Ведь в отличие от лексики славянская национальная фразеология не имеет столь богатых древних языковых (resp. исторических) фиксаций. В лучшем случае некоторые идиомы инкрустированы в древнерусских, древнеукраинских, древнебелорусских, древнепольских или древнечешских письменных памятниках, ориентированных на сакральную и деловую книжность, а не на устную народную речь. И здесь диалектный материал становится, собственно говоря, „компенсатором” хронологической „недостаточности” древних языковых памятников, способствуя глубинному погружению в первоисточник и ареальную дистрибуцию той или иной фразеологической единицы. Как-то Н.И. Толстой проникновенно заметил, что ареальная характеристика языковых фактов – это хронология (resp. диахрония), положенная на географическую сетку (карту). Лучше не скажешь. Тем более – в отношении к нашим историко-этимологическим реконструкциям фразеологии. Мой собственный лингвистический опыт показывает, что если ареал восточнославянской фразеологической единицы ареально, в разных вариантах смыкается с польским, а тем более – с балтийским, то можно с полным основанием предполагать, что её „возраст” измеряется хронологическим пространством Киевской Руси, т.е. VIII–IX вв.

Внимание к ареальному пространству каждой ФЕ позволяет не только установить её приблизительную хронологию в пределах Славии, но и продемонстрировать иерархию её вариантов, что нередко помогает расшифровать и исходный образ, т.е. этимологию этого фразеологизма. Вот – в пределах лимита времени, отведённого на доклад, один характерный пример такой ареальной, вариантной и этимологической реконструкции.

Рассмотрим в спектре предлагаемого мною подхода русский народный фразеологизм *не знала баба горя, купила баба поросю*. Его считают либо пословицей, либо поговоркой. Так, в рассказе Антона Павловича Чехова *О любви* он цитируется именно как пословица: „Есть пословица: *Не было у бабы хлопот, так купила поросю*. Не было у Лугановичей хлопот, подружились они со мной. Если я долго не приезжал в город, то значит, я был болен, или что-нибудь случилось со мной, и они оба сильно беспокоились”. В современном газетном тексте его, однако, называют поговоркой: „Знаете, дорогие читатели, такую поговорку *не имела баба хлопот, так...* Правильно, *купила*

поросся... А теперь представьте, что человек не хотел поросся покупать, но ему его подарили. На восьмое марта. А вообще-то он его выиграл в лотерею. Выигрывать всегда приятно, но тут – *поросся*, а вместе с ним, сами понимаете, хлопоты...” („Советская Россия” 12 V 1988). Фразеологический (resp. поговорочный) статус этого выражения вытекает из его дефиниции, которая, в отличие от дефиниций пословиц, не имеет дидактического, назидательного смысла. Оно шутивно-иронически характеризует человека, который сам себе доставил много хлопот, неудобств, затруднений от добровольно взятых на себя обязанностей, дел и т. п. Такое определение подкрепляется многими контекстами (Жуков 1991: 210; ШСП: 14–15), напр.:

Прощай, мой друг, – сказал он, – ... я еду с Карпушей. Послушай, будь поласковее к Павлу Алексеевичу... Любаша... молча смотрела вслед мужу большими, лучистыми глазами. Он обернулся в это время, остановился и спросил коротко: – Что ты так дико на меня смотришь? – Уйди, ради Бога, уйди! – проговорила она с трудом... Шилохвостов ворчал про себя: – И здесь нет приступа – вот *не знала баба горя, купила баба поросся!*, того и гляди, какой-нибудь несчастный роман разыграют – и все на нашу шею, на мою, то-есть, с Карпушей; мы и отдувайся после. (В.И. Даль, *Павел Алексеевич Игровый*).

Сколько стоило мне труда уломать его, чтобы поддержал в райкоме мой проект оросительного канала! „*Не знала баба хлопот, да купила поросся*. Наживём мы, говорит, себе, Микола Ильич, горя с этим строительством”. (В. Овечкин, *С фронтовым приветом*).

В русском языке этот фразеологизм употребляется в разных вариантах, также фиксируемых словарями:

не знала баба горя (*забот, хлопот*), [*так (да)*] *купила поросся*; *не было у бабы хлопот, так купила поросся* (*поросёнка*); *не было у бабы беды* (*визгу*), *так купила поросся*.

Известны и такие варианты, как:

Не знала баба, горя, купила (родила) баба поросся (В.И. Даль); *Не знала баба горя, [да] купила баба поросся* (М.И. Михельсон; А.И. Соболев).

Образ этого народного фразеологизма, на первый взгляд, совершенно понятен: поросёнок хотя и не требует слушком трудоёмкого ухода, но всё-таки доставляет беспокойства. Один из приведённых вариантов такое беспокойство даже характеризует: *не было у бабы визгу, так купила поросся*.

Нет ли в вариантах поговорки и других характеристик поросёнка, принёсшего дополнительные хлопоты бабе?

Действительно, в народной речи они представлены:

Не знала баба горя (забот, хлопот), купила (родила) баба поросю (Д 1: 378; Мокиенко 2007: 36–37); *Не было у бабы горя (забот, хлопот, беды, визгу), так (да) купила поросю* (СПП: 124; ШСП: 14–15; Мокиенко 2006: 36; Пск., Ленингр., Соловьева 2001: 17; Сок.: 213); *Не было на бабу хлопот, так купила шелудивое поросю* (Снег.: 260); *Не было у бабы писку, так купила шелудивое поросю* (Д 3: 114); *Не было у бабы скота, дак купила шелудивое поросю*. Пск. (СР 2: 226; СПП: 124); *Не было хлопот, так купила поросю*. Пск. (СПП: 143); *Не было беды, да поросю завела*. (Ан.: 207); *Не было печали, так купили поросю* (Сок.: 345).

Как видим, просторечное слово *поросю* ‘поросёнок’ в нескольких вариантах обретает прил. *шелудивый* (*Не было на бабу хлопот, так купила шелудивое поросю*; *Не было у бабы писку, так купила шелудивое поросю*; *Не было у бабы скота, дак купила шелудивое поросю*) или может уточняться обобщающим *скот* (*Не было у бабы скота, дак купила шелудивое поросю*). Теперь понятно, почему поговорочной бабе не даёт покоя визг или писк поросёнка: он оказывается шелудивым, т.е. больным, паршивым, запаршивевшим, со струпиями, коростой на коже.

Поговорка сохранила в своём составе древнюю общеславянскую форму названия поросёнка – *поросю*. Суффикс *-я* (прасл. **-ę*) был прежде весьма активен: *теля* – *телёнок* – *телята*, *козля* – *козлёнок* – *козлята*, *зверя* – *зверёнок* (*зверёныш*) – *зверята*, *котя* – *котёнок* – *котята*, *волча* – *волчёнок* – *волчата*, *робя* – *ребёнок* – *ребята* и др. Поэтому и в других славянских языках эта поговорка имеет именно эту древнюю форму слова.

Белорусские варианты поговорки близки русским, но не отражают „шелудивого диагноза” поросёнка, зафиксированного русскими паремиями (Грынблат 1976: 1, 203^{2*}):

Не мела баба клопату, купіла парася (Рур.: 214; Нос.: 100; Дубов.: 14; Радч.: 248; Fed.: 19; Pietk.: 309; А. Русіновіч: 1954, Светл. 13.3.29); *Іваноў, Раманава 2006: 54; Не было бабе клопатаў, дык купіла парася* (Ром., Бел.: I, 302); *Не мела баба клопату, купіла парася, парасё ў квік, а баба ў крык* (Ляцкий 1898: 30).

Украинские поговорки также обходят „шелудивость” поросёнка молчанием, зато обильно характеризуют реакцию бабы на его покупку, связанную с хлопотами:

Не мала баба клопоту, так купила поросю; Не мала баба клопоту, купила собі поросю; Не мала баба клопоту, дак купила поросю; Не мала баба клопоту та

² * Ссылки на источники поговорки даются – в целях экономии места – в сокращениях, принятых в сборнике Моисея Яковлевича Грынבלата.

й купила порося: порося у квік, а баба у крик; Не мала баба клопоту та купила порося, – порося в кувик, а баба в крик; Не мала баба клопоту, баба в крик, а порося в квік; Не мала бабуня в хаті клопоту, то купила собі; Ой не мала баба клопін, дак купила порося; Не мала баба роботи та собі купила паця (где паця – поросёнок) (ПП 2: 146; ПП 3: 165).

В некоторых вариантах поговорки объект покупки опускается, остаются лишь хлопоты от работы: *Не мала баба роботи та найшла собі клопоти* (ПП 2: 146; ПП 3: 165.). Осовремененный вариант – покупка бабой двухколёсного велосипеда: *Не мав клопоту та купив собі „бїду” на двох колесах* (ПП 3: 124).

Возникает вопрос: случаен ли русский вариант поговорки, в котором поросёнок оказывается шелудивым или это именно вариант, раскрывающий его исходный образ?

От ответа на этот вопрос зависит этимологическая расшифровка нашей поговорки. Смысл её, на первый взгляд, достаточно прозрачен, ибо каждому понятно, что выращивание свиней – дело хлопотное. Тем не менее, именно некоторые варианты уточняют те трудности, с которыми столкнулась баба, купившая поросёнка. Он, видимо, оказался именно больным, опаршивевшим: *Не было у бабы писку, так купила шелудивое порося*, поэтому вёл себя беспокойно, визжал: *Не было у бабы визгу, так (да) купила порося*.

И такую версию исходного смысла поговорки убедительно подтверждает польский диалектный материал, зафиксированный в тезаурусе польской паремиологии – NKPP (I: 40–41, материалы):

Nie miała baba kłopotu, kupiła sobie prosię (cielę i in.); Nie miała baba kłopotu, i kupiła sobie parszywe prosię (1632); Baba kupiła prosię nie mając kłopotu (1696); Baba prosię kupiła, nie miała kłopotu, dziś jej we dnie i w nocy doma i u płotu kwiczy; Nie miała baba kłopotu, kupiła prosię: prosię w kwik, baba w krzyk; Nie miała baba roboty, kupiła sobie prosiaka; Nié miała baba strapieniá, kupiła se prosie (1894 AD, 80); Nie miała baba kłopotu, kupiła se parszywe prosię: prosię kwicy, baba krzycy (1897); Ni miała baba kłopotu, kupiła so prosię, i to prosię zesrało się (1900); Zachciało się babie kłopotu, wiązała prosie u płotu (1868); Nimja baba bjêdé, kupiła so pêdé (1894); Nie miała baba kłopotu, kupiła sobie cielę (1894); Nie miała baba kłopotu, kupiła sobie kokota (1954); Ni miała baba starości, kupiła se kozę (ciesz.).

В этом тезаурусе не только приводятся эти варианты, но и предлагается фольклористическая история поговорки о бабе и визгливом поросёнке: „Aluzja do bajki łańcuszkowej o babie i nieposłusznym prosięciu, poskromionym po wielu zabiegach właścicielki kijem” (MG I: 48; NKPP I: 41). Главное, однако, всё-таки не в том, как баба наказывала непослушного поросёнка, но – в причинах его визгливого поведения, доставляющего его владелице такие хлопоты.

ты. И, судя по польскому и русскому вариантам, это – именно его шелудивость, покрытость паршой, которая не даёт бедному животному покоя. Суть польского народного анекдота о некогда беззаботной женщине, купившей не просто поросёнка (за которым, как за детёнышем „грязного” животного, и без того нужен немалый уход), а – *шелудивого, паршивого*. Устав от хлопот столь трудоёмкого ухода, хозяйка „лечит” непослушного поросёнка палкой. Отсюда – шутливо-ироническая окраска поговорки.

То, что вариант о паршивом поросёнке исходный, доказывает его ранняя фиксация в польских диалектах. Поговорка *Nie miała baba kłopotu – kupiła se parsywe prosię; prosię kwicy, baba krzyczy* в польском языке зафиксирована уже с 1618 г.

Древняя фиксация и переключка с соответствующими русскими вариантами поговорки позволяют не только объяснить её исходный образ, но и достаточно очертить ареальную „дальнобойность” на пространстве языковой Славии. Некоторые паремиологические сборники фиксируют её не только в польском, русском, белорусском и украинском языках, но и в чешском, сербском и болгарском. Но в последних трёх языках (фиксируемых сборником Фр. Лад. Челаковским наряду с польским и украинским) нет варианта с „шелудивым” поросёнком и, судя по всему, их фиксация ограничивается XIX веком: болг. *Нямала баба работа, та си купила прасенце*; чеш. *ne měla bába trampoty, koupila si prase*; серб. *Немала баба беса, него купила прасе* (Čelakovský 1949: 744). Судя по всему, их появление в этих 3 языках – результат типичного для XIX в. „паремиологического панславизма”, т.е. буквального калькирования русской и польской поговорок на эти языки, что особенно характерно для сборника Франтишека Ладислава Челаковского. Об этом, в частности, свидетельствует факт, что в словаре славянских пословиц Марины Юрьевны Котовой к болгарской и сербской поговорке (в иной вариации) приводятся (с пометой ср.) более „национальные” паремии: болг. *Нямала си баба белица, па си купила козица*; серб. *Трла баба лан да јој прође дан*. Словацкая же параллель поговорки о бабе вообще не упоминает ни о каком животном: *Nemala baba roboty, narobila si kłopoty* (Котова 2000: 16).

Чёткий диагноз заимствованного характера для чеш. *Neměla bába trampoty. koupila si prase* убедительно ставит Вацлав Флайшганс, постоянно корректирующий панславянские параллели Франтишека Ладислава Челаковского: „jest polské *Nie miała baba kłopotu, kupiła sobie prosię*” (Flajšhans 2013 II: 893).

Явно зависима от польского и русского источника литовская поговорка о поросёнке *Neturėjo boba bėdos, nusipirko paršą; Neturėjo boba bėdos, prasimanė vaiką*. К. Григас, сопоставивший ее со славянскими параллелями, объективно подчёркивает, со ссылкой на польскую НКРР, что она зафиксирована на 300 лет позже польской (Grigas 1987: 160–161), что говорит о её заимствованном характере. Оригинальна и новогреческая параллель (отлича-

ющаяся от славянских своей образностью), приводимая Ф.Л. Челаковским: *Γρεά αἰῖ ἀέχῃ ἀεάβολοί, κάγοράσε γουρου* (Čelakovský 1949: 744). Добавим, что именно отсутствие варианта с „паршивостью” поросёнка подтверждает такую констатацию.

Я остановился лишь на трёх важных аргументах в пользу углублённого изучения славянской диалектной фразеологии. Их, аргументов, естественно, гораздо больше. Такие аспекты, как ареальный, культурологический, идеографический, лексикографический и др., конечно же, привлекают и будут привлекать внимание фразеологов-славистов. Свидетельство этому – наша Краковская конференция, где собрались верные адепты нашей – всё ещё молодой, как и проф. Мацей Рак, дисциплины – Фразеологии. Фразеологии, основа которой – живая и яркая народная славянская речь.

SUMMARY

DIALECTIC AND HISTORICAL PHRASEOLOGY: PROSPECTS FOR INTERACTION

The article analyzes the common problems of dialect and historical phraseology in Slavic languages. Compared with the great achievements of Slavic etymology and the publication of capital etymological dictionaries of Slavic languages, historical and etymological studies of phraseology look much more modest.

Work in this direction is nevertheless ongoing: several dictionaries (for example, Russian and Belarusian phraseology) and bibliographic reference books (Ukrainian, Bulgarian, Croatian, Czech) have already been created. Studies of dialect phraseology and dialectography are also not as numerous as the description and lexicography of dialect vocabulary. The perspective here is a more detailed study of phraseological dialecticisms of various areas of Slavia and the disclosure of their internal form. At the same time, reliance on the classical collections of Slavic paremiology is needed, an overview of which is given in the article. An example of historical and comparative analysis of phraseological dialecticism is also offered here: Rus. *не знала баба горя, купила баба порося* – Belar. *Не мела баба клопату, купіла парася* – Ukr. *Не мала баба клопоту, так купила порося* – Pol. *Nie miała baba kłopotu, kupiła sobie prosię* – Bulg. *Нямала баба работа, та си купила прасенце* – Czech *Neměla bába trampoty, koupila si prase*; Serb. *Немала баба беса, него купила прасе* etc. The areal, cultural, ideographic, and lexicographical aspects of the study of dialect phraseology seem especially promising to the author of the article.